

На следующее утро в городе А зарядил дождь.

Мелкая, занудная морось сеяла без остановки до самого полудня, но даже она не помешала курьеру добраться до виллы семьи Цзян — в конце концов, заказчик не поскупился и оплатил доставку по десятикратному тарифу.

Раз уж Гу Ци решил провести на вилле семьи Цзян три дня, он принялся планомерно скупать все необходимое по списку. Провизия, питьевая вода, штормовки, походные ножи... Кроме того, он нанял рабочих, чтобы те укрепили забор, заменили хлипкую садовую калитку на тяжелые железные ворота и установили по периметру камеры видеонаблюдения. Эта на первый взгляд хлопотная и хаотичная работа в руках Гу Ци спорилась, подчиненная строгому порядку.

Когда Цзян Юй выехал во двор на инвалидной коляске, Гу Ци как раз крутил в руках охотничий нож. Тонкие длинные пальцы перебирали рукоять так легко и изящно, словно это был обычный карандаш. Лезвие то и дело вспыхивало в воздухе серебристыми искрами.

Глядя на это, Цзян Юй невольно вспомнил школьные годы. Гу Ци всегда учился лучше всех и виртуознее всех крутил между пальцами ручки. Тогда Цзян Юй сидел за его спиной. Стоило поднять голову, и перед глазами оказывались аккуратная, нежная мочка уха и пухлые детские пальцы, сжимающие карандаш.

Кто знает, в какой именно момент этот некогда пухлый, белокожий ребенок успел превратиться в статного, стройного юношу? Восемь лет жизни оказались словно украдены. Изменения были настолько разительными, что Цзян Юй теперь с трудом сопоставлял нынешнего Гу Ци с тем неуклюжим маленьким толстячком из своего детства.

— Проснулся? — услышав шорох, Гу Ци обернулся и тепло улыбнулся. — Прогуляемся? Дождь как раз стих, на улице славно.

Цзян Юй бросил взгляд на улицу и кивнул.

Гу Ци сам покатил коляску к выходу. На улице их встретил влажный, тяжелый воздух. Ветер веял прохладой, с хмурого неба то и дело срывались редкие холодные капли, но Гу Ци упрямо катил Цзян Юя по дорожкам, не возвращаясь в дом добрых полчаса.

В прошлой жизни среди первых Эсперов бытовало мнение, что истинной причиной апокалипсиса стал именно этот затяжной трехдневный дождь. Многие вспоминали, что после того, как они промокли под первыми каплями, у них начинало ломить все тело, возникали слуховые галлюцинации, а следом накатывал дикий, сосущий голод — безумно хотелось сырого, сочного мяса. Но тогда на эти жалобы никто не обратил внимания. Привыкшие к вечной спешке люди мегаполиса не умели останавливаться из-за пустяков. Да и кому в здравом уме могло прийти в голову, что солнце действительно рухнет с небес?

Именно поэтому Гу Ци не стал кричать на каждом углу, а просто опубликовал на нескольких крупных форумах предупреждения в духе «Близится конец света, запасайтесь продуктами». Поверил ли ему хоть кто-то — оставалось только гадать.

На обратном пути у самого порога Гу Ци заметил десятки неизвестных цветов. Размером с кулак, они распустились прямо под дождем, вызывая яркие и свежие. Гу Ци точно помнил: еще вчера здесь не было даже намека на бутоны.

Растения почувствовали перемены в мире гораздо раньше людей.

Задержавшись у дверей на мгновение, Гу Ци молча покатил коляску обратно в дом.

Прогулка под дождем не прошла бесследно: уже к вечеру у Цзян Юя начался сильнейший жар. Гу Ци не отходил от его постели. Поначалу Цзян Юй еще пытался что-то тихо говорить, цепляясь за остатки сознания, но через полчаса окончательно впал в беспамятство.

Термометр показал сорок три градуса — смертельная для обычного человека температура. Всмотревшись пристальнее, Гу Ци заметил, как под бледной кожей Цзян Юя проступают едва различимые, тонкие черные нити вен.

В груди шевельнулась глухая досада. Гу Ци знал: это признаки пробуждения силы. Те, кто эволюционировал в числе первых, впоследствии становились сильнейшими выжившими. Они вышли под дождь вместе, однако у самого Гу Ци до сих пор не проявилось ни единого симптома. Неудивительно, что в прошлой жизни Цзян Юй, даже превратившись в Зараженного, остался неоспоримым монстром, наводящим ужас на уцелевших.

В прошлой жизни судьба наделила его бесполезным даром — «Силовой способностью». Из сотни выживших у девяноста была точно такая же способность, от которой в реальном бою толку почти не было: ну, станешь ты таскать тяжести чуть легче, и что?

В этой жизни он не собирался мириться с участью пушечного мяса. Ему нужен сильный, по-настоящему грозный дар.

Значит, придется пойти и промокнуть как следует. А заодно заняться делом.

Гу Ци плотно запер окна и двери в комнате Цзян Юя, переоделся, взял тяжелую штыковую лопату и шагнул в непроглядную ночную тьму. На улице стеной хлестал ливень.

Ледяные потоки мгновенно промочили его до нитки. Сжав черенок лопаты, Гу Ци подошел к воротам и принялся яростно вырубать разросшиеся кусты диковинных цветов. К ночи их высыпало еще больше, а сами бутоны раздулись до размеров человеческой головы. Лепестки плотными рядами топорщились навстречу дождю. Когда острое лопаты вонзилось в землю, под мягкой, податливой грязью обнаружились необычайно жесткие, словно одревеневшие стебли.

Гу Ци показалось, или корни под землей шевельнулись в ответ на удар? Он ткнул лопатой еще раз — и тяжелый бутон плавно качнулся в сторону. Юноша замер, не сводя взгляда с огромного цветка, который медленно склонял стебель, нацеливаясь раскрытой чашечкой прямо ему в лицо.

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие: вдруг эта тварь сейчас прыгнет, обовьет лепестками его голову и высосет мозг?

Хоть ученые Эсперы в будущем и утверждали, что первичная эволюция планеты заняла трое суток, природа плевать хотела на человеческие теории. За годы апокалипсиса Гу Ци насмотрелся на самые нелепые и жуткие смерти, поэтому его воображение сейчас рисовало самые мрачные картины. Не будь обстановка столь опасной, он бы непременно расковырял этот бутон, чтобы проверить, нет ли внутри острых шипов или ядовитых желез.

Пока он раздумывал, как поступить, сзади раздался резкий, издевательский автомобильный гудок. Дорога была широкой, но водитель намеренно прижался к самой обочине, где стоял Гу Ци. Колеса на полной скорости влетели в глубокую лужу. Грязная жижа веером взметнулась в воздух и с силой обрушилась на юношу, залепив ему лицо.

Машина неслась слишком быстро. Инстинкты, выработанные за годы выживания на грани смерти, сработали мгновенно. Восприняв летящие брызги как угрозу, Гу Ци на развороте, не думая, наотмашь рубанул лопатой!

Раздался оглушительный треск. Металлическое полотно лопаты вдребезги разнесло боковое стекло задней двери. Сквозь рев мотора донесся испуганный вопль, стремительно удаляющийся вместе с автомобилем.

Выкинуть подобный фокус мог только один человек — наглый и самовлюбленный второй молодой господин семьи Гу, Гу И.

В то мимолетное мгновение, когда машина пролетала мимо, Гу И злорадно глянул на брата через стекло. Однако вместо ожидаемой растерянности, обиды или бессильной злости он увидел абсолютно холодное, чужое лицо. Гу Ци стоял под проливным дождем — мертвенно-бледный, с прилипшими ко лбу мокрыми прядями волос, а из-под стекол очков на Гу И смотрели бездонные, полные ледяного презрения глаза.

То ли ветер принес слишком резкий холод, то ли взгляд брата оказался слишком тяжелым, но у Гу И на секунду болезненно свело лопатки от дурного предчувствия.

Впрочем, наваждение быстро рассеялось. Спорткар с визгом затормозил у ворот соседней виллы Гу. Едва двигатель заглох, дверца распахнулась, и разъяренный Гу И выскочил под ливень.

— Гу Ци, ты совсем головой поехал?! — взревел он, потрясая кулаками. — Это новая машина!

Ты хоть понимаешь, сколько она стоит, ублюдок?! Какого хера ты творишь?!

Он ринулся к брату, замахиваясь для удара, готовый разукрасить его физиономию. Но стоило ему приблизиться на несколько шагов, как Гу Ци молча, без единой эмоции на лице, поудобнее перехватил тяжелую лопату.

В памяти Гу И вспыхнул тот бешеный, молниеносный замах, которым брат разнес прочное стекло автомобиля. Горло сдавило сухим спазмом, ругательства застряли на полпути, а по спине пробежали колючие мурашки.

С этим парнем определенно было что-то не так. Он стал другим.

«Если бы эта лопата прилетела мне в голову... Что бы от нее осталось?»

Ноги словно налились свинцом, и он невольно замер на месте.

Из дверей виллы Гу в этот момент выбежал тонкий силуэт.

— Второй брат! — донесся звонкий, взволнованный голос.

Это был Сяо Ци. На нем были лишь легкая домашняя пижама и домашние тапочки. Тонкие, по-девичьи белые руки с трудом удерживали огромный зонт. На миловидном лице читалась крайняя тревога. Подбежав, он попытался прикрыть брата от косых струй дождя, приподнимаясь на цыпочки.

— Не надо, не ссорьтесь с Третьим братом! Пожалуйста!

Стоило Гу И увидеть плачущего Сяо Ци, как вся его злость на старшего брата мигом улетучилась, сменившись щемящей нежностью. Он перехватил тонкое запястье юноши и потащил его обратно под крышу:

— Ну куда ты полез под такой ливень? Я же просил не ждать меня, просто поехал выпить с ребятами... Черт! Это еще что за хрень?!

У самого крыльца Гу И больно споткнулся обо что-то твердое. Посмотрев под ноги, он в недоумении обнаружил толстый древесный корень, который змеей переполз через аккуратную мощеную дорожку. Садовники совсем обленились, раз позволяют деревьям так разрастаться.

— Если ты не дома, я не могу уснуть, — тихо, с кротким упреком прошептал Сяо Ци. — Пойдем скорее в тепло. Мама уже спит.

Гу И послушно шагнул в прихожую, тут же позабыв о странном корне. В просторном холле мягко светили настенные бра. Теплый сухой воздух мгновенно изгнал сырость и озноб, преградив дорогу бушующей снаружи буре.

— Почему вы опять повздорили с Третьим братом? — как бы между прочим спросил Сяо Ци, помогая Гу И снять мокрую куртку. — Он стоял там с этой лопатой... выглядел так жутко, я так испугался за тебя.

Едва затухший гнев вспыхнул в груди Гу И с новой силой. Он зло сплюнул на коврик:

— Да хер мамин он, а не брат! Видал, что со стеклом сотворил? Псих гребаный. Посреди ночи возится в грязи, цветы корчует. Со стороны посмотреть — вылитый вор на делюге!

Во время долгих скитаний после похищения в детстве Гу Ци натерпелся голода и с тех пор испытывал к еде болезненную, почти маниакальную привязанность. Когда его наконец вернули в семью, он по привычке прятал под подушку хлебные корки и сладости — только обнимая свертки с едой, мальчик мог спокойно уснуть. Как-то раз он стащил леденец, который Гу И купил для Сяо Ци. Младший тогда поднял рев на весь дом, а разгневанный Гу И лично обыскал комнату Гу Ци и вытряхнул конфету прямо из его постели. С тех пор за Гу Ци прочно закрепилось клеймо воришки. Гу И при каждом удобном случае обзывал его крысой, а тот лишь густо краснел, не в силах вымолвить ни слова в свое оправдание.

— Ну ничего, сука, завтра я устрою ему веселую жизнь, — процедил сквозь зубы Гу И. В его голове, похоже, созрел какой-то пакостный план, потому что он внезапно ухмыльнулся и быстро зашагал по лестнице на второй этаж.

Сяо Ци молча шел следом, шлепая влажными тапочками по дороговому паркету. Проходя мимо панорамного окна на лестничной площадке, он бросил мимолетный взгляд во двор. Из этого угла виднелись лишь растрепанные ветром клумбы, а фигура Третьего брата уже растворилась в дождевом мареве.

К этому моменту Гу Ци уже вернулся на виллу семьи Цзян.

На вилле семьи Цзян царила глубокая, мертвая тишина. Стоило Гу Ци поставить в угол испачканную лопату, как из глубины коридора первого этажа донесся глухой, тяжелый стук.

Там находилась спальня Цзян Юя.

На ходу сбросив мокрую обувь, Гу Ци бросился туда босиком. Распахнув дверь спальни, он увидел, что Цзян Юй свалился с кровати. Его обычно бледное лицо пылало неестественным, лихорадочным румянцем. Мечась в беспамятстве, он слабо скреб пальцами по паркету, но

стоило ему заметить в дверях силуэт Гу Ци, как он из последних сил пополз к нему навстречу.

Гу Ци торопливо опустился на колени, пытаясь поднять его. Прикосновение к телу Цзян Юя обожгло пальцы — кожа была горячей, словно раскаленная печь. Ощувив спасительную прохладу дождевой воды, которой был пропитан Гу Ци, больной мертвой хваткой вцепился в него.

— Не уходи... — прохрипел Цзян Юй прямо ему в ухо. Сознание парня полностью угасло в лихорадочном бреду, и он лишь бессознательно цеплялся за эти два слова, боясь разжать пальцы.

Похоже, придя в себя на какую-то минуту и не обнаружив никого рядом, Цзян Юй решил, что остался один, и попытался отыскать его.

В полумраке холодной комнаты, под аккомпанемент бьющего по стеклам ливня, Гу Ци крепко обнял мечущегося парня и принялся мягко гладить его по спине, пытаясь унять дрожь.

— Тише, я здесь. Я не уйду, слышишь? Буду с тобой, пока все не пройдет.

Но Цзян Юй не отвечал — он снова провалился в забытие.

Забываясь лишь о том, как сбить смертельный жар, Гу Ци не заметил, как под одеждой на поясице Цзян Юя что-то дважды судорожно дернулось, а затем медленно, плавно ушло обратно под кожу.

Не зная, как еще помочь, Гу Ци на себе дотащил парня до ванной комнаты. Наполнив чугунную ванну ледяной водой, он опустил Цзян Юя в воду. Волна выплеснулась через край, залив кафельный пол. Сам Гу Ци, насквозь продрогший и испачканный в грязи, быстро скинул прилипшую к телу одежду, отложил очки и встал под душ, смывая с себя следы ночной работы.

Пока струи воды стекали по его телу, Цзян Юй лежал неподвижно, прислонившись широкой, но худой спиной к прохладному борту ванны. Ледяная вода не могла сотворить чудеса, но лихорадка заметно отступила — складка между его бровей наконец разгладилась. Тело мягко покачивалось на воде. Мокрые темные пряди разметались по лицу, безвольные худые ноги медленно всплывали к поверхности. Вода доходила ему до самого подбородка, делая потрескавшиеся губы ярко-розовыми, будто лепестки тех самых ночных цветов. На бледной шее и плечах проступили багровые следы от пальцев Гу Ци — там, где тот тащил его на себе. В прозрачной воде эти отметины казались особенно яркими, кричащими.

Сейчас он походил на благородного молодого князя, привыкшего лететь на горячем скакуне по улицам столицы, а теперь запертого в глубокой темнице. Навек сломленная гордость, покрытая свежими ранами, причудливое сплетение дикой необузданности и беззащитной хрупкости — все это превращало его бледное, точеное тело в изысканное произведение искусства. Он выглядел уязвимым. Податливым. Беззащитным перед чужой волей.

Но каждый раз, глядя на него, Гу Ци неизменно вспоминал его Падение в прошлой жизни.

Когда обычные люди превращались в Зараженных, это называли ошибкой эволюции. Но если человеческий разум терял пробудившийся Эспер — это было настоящим Падением. Первые становились безмозглыми тварями, движимыми лишь голодом. Вторые же сохраняли холодный рассудок. Падшие обладали изощренным человеческим интеллектом, совладать с ними было невероятно тяжело. Некоторые из них даже умели искусно притворяться обычными людьми, скрывая свою истинную суть.

Тяжелая капля сорвалась со лба Гу Ци на ресницы. Он зажмурился, мотнул головой и заставил себя прогнать мрачные воспоминания.

Остаток ночи прошел в непрерывной борьбе с жаром. Гу Ци раз за разом измерял температуру Цзян Юя, и едва та поползла вниз, принялся вытаскивать парня из воды. Сделать это оказалось непросто: Цзян Юй был высоким юношей под метр восемьдесят, и его взрослое, пусть и исхудавшее тело весило прилично. Гу Ци пришлось приложить немало усилий.

Гу Ци провозился с ним до самого рассвета — менял холодные компрессы, обтирал разгоряченное тело влажным полотенцем. Лишь около четырех часов утра лихорадка наконец отступила. Облегченно вздохнув, измученный Гу Ци без сил повалился на край постели и мгновенно провалился в тяжелый сон.

Разбудил его резкий, настойчивый звонок мобильного.

Гу Ци давно отвык от этого некогда привычного звука. С трудом разлепив веки, он поднялся и нащупал телефон в кармане грязных джинсов, брошенных у двери ванной. Какое-то время он тупо смотрел на светящийся экран, пытаясь вспомнить, кому принадлежит имя на дисплее.

Это был его школьный староста.

Гу Ци нажал на кнопку приема, и из динамика тут же раздался бодрый, звонкий голос:

— Гу Ци! Тут прислали наши уведомления о зачислении в университет. Ты когда за своим приедешь?

Юноша потер пальцами виски, лихорадочно сопоставляя даты. В прошлой жизни именно в эти дни он только-только окончил элитную частную школу и получил высокие баллы за выпускные экзамены, обеспечив себе место в одном из лучших университетов страны.

— Заберу через пару дней, — ответил Гу Ци. Голос после бессонной ночи звучал глухо и сипло.
— Сейчас никак не могу отлучиться.

— Вот как... — в голосе старосты прозвучало искреннее разочарование. — Но сегодня же

выпускной вечер! Все ребята собирались прийти. Ты уверен?

Это напоминание мгновенно всколыхнуло в памяти Гу Ци картины прошлого.

В своей первой жизни в этот самый день он устроил грандиозный скандал дома из-за наплевательского отношения родных к его дню рождения. Тогда он не ушел из дома, а остался — кричал, бил посуду, требовал справедливости. В конце концов родителям это надоело, и его без лишних слов заперли в темном пыльном чулане на чердаке.

Он помнил, как оттуда, задыхаясь от слез, тайно писал одноклассникам и умолял о помощи. Несколько ребят действительно попытались пробраться на территорию виллы Гу, перемахнув через забор, но их быстро переловили и выставили взащей охранники. Позже Гу Ци попытался вызвать полицию. Узнав об этом, разгневанная госпожа Гу отобрала у него телефон и вlepила две тяжелые, унижительные пощечины.

<http://bllate.org/book/18976/2160596>